

УДК 338.24.021.8

ББК65.013.7

DOI [10.17150/2308-2588.2015.16\(3\).454-468](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(3).454-468)

Н. А. Шапиро

*Санкт-Петербургский НИУ информационных технологий, механики и оптики,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

ОЦЕНКА «КОСЫГИНСКОЙ» РЕФОРМЫ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Сравниваются два варианта реформы 1965 года: реальный — это реформа А. Н. Косыгина, и потенциальный — реформа Е. Г. Либермана. Изначально предложенные Е. Г. Либерманом в качестве основных идей реформы «план, прибыль, премия», которые получили название З«П», впоследствии были преобразованы в З«С» — «самоокупаемость, самофинансирование и самоуправление», ставшие символом «косыгинской» реформы. Автором делается вывод, что ни один из этих двух вариантов не дал и не мог дать позитивных результатов для развития социалистической экономики. Оба варианта по своему замыслу не предполагали изменений на макроуровне, которые бы позволили ввести реальный хозрасчет на предприятиях, используя рыночные параметры — цену и объем реализованной продукции.

Ключевые слова. Институциональная ловушка, макроэкономическое регулирование, соотношение плана и рынка, хозрасчет.

N. A. Shapiro

*St. Petersburg National Research University
of Information Technologies, Mechanics and Optics,
St. Petersburg, Russian Federation*

ASSESSING KOSYGIN'S REFORM FROM THE STANDPOINT OF MACROECONOMIC MANAGEMENT

Abstract. The paper compares two options of the 1965 reform: the real one — the reform of A. N. Kosygin, and

the potential one – the reform of E. G. Lieberman. Lieberman offered the idea of so called 3«P», which stands for «plan, profit, premium», to be basic ideas of the reform, which subsequently were converted to 3«S» – «self-sufficiency, self-financing and self-governance». They became a symbol of Kosygin's reform lately. The author concludes that neither of these two options did not and could not contribute to the development of the socialist economy. Both plans did not imply any changes at the macro level, which would allow doing true cost accounting in enterprises with the use of market parameters – price and volume of products sold.

Keywords. Cost accounting, institutional trap, macroeconomic management, plan-market ratio.

В преамбуле конференции «Упущенный шанс или последний клапан? (К 50-летию «косыгинских» реформ 1965 г.)», которая проводилась в октябре текущего года в Финансовом университете при Правительстве РФ, было сказано, что ее целью является анализ советского и постсоветского опыта проведения социально-экономических реформ, выявление институциональных ловушек, тормозящих развитие. Формулировка темы конференции заставляет задуматься: как понимать «упущенный шанс или последний клапан?» «Упущенный шанс» – это отказ от изначальных 3«П» («план, прибыль, премия») по Либерману, которые превратились в 3«С» («самокупаемость, самофинансирование и самоуправление») по Косыгину, – отказ, выхолостивший модернизационную сущность реформы? И что бы произошло в случае движения реформы по пути 3-х «П»? «Последний клапан» – это клапан, который не сумели вовремя *закрыть*, чтобы сохранить социалистическую экономику, и потому она стала стагнировать и саморазрушаться, или это клапан, который не сумели должным образом *открыть*, чтобы свежий ветер перемен способствовал модернизации социалистической экономики? Ответы на поставленные вопросы проливают свет на институциональную

ловушку¹, в которую вели намерения советских «модернизаторов».

З«П» и З«С» — два пути в одну ловушку

Реформа 1965 г. шла в русле определения релевантного соотношения или сочетания плановых и товарно-денежных отношений (ТДО) или, в современной терминологии, плановых и рыночных инструментов в хозяйственном расчете, должного обеспечить эффективное развитие экономики. Соотношение плана и рынка — это центральная проблема теории и практики любой экономики и во все времена. В советский период она обрела особую остроту. Так, в период становления социалистической экономики эту проблему пытались разрешить прямолинейно и просто — отказаться от использования ТДО вообще, на основании марксистского тезиса о несовместимости денег и коммунизма. Видимо, это решение шло в русле логики: чем раньше не будет денег, тем раньше наступит коммунизм. Если от принципа «чем раньше...» пришлось быстро отступить как теоретикам, так и практикам, то согласиться с необходимостью широкого использования ТДО не удалось в полной мере за все годы существования советской экономики ни тем, ни другим. Но практика в этом отношении шла (по крайней мере,

¹ Напомним читателю, что под «институциональной ловушкой» обычно понимается неэффективная устойчивая норма (институт), обладающая самоподдерживающим характером, блокирующая всякое иное эффективное решения. Устойчивость данной нормы означает, что система воспроизводит эту норму, несмотря на явное стремление кардинально изменить сложившийся порядок, т. е. попадает в «институциональную ловушку» [8]. Явление «институциональной ловушки» возникает как следствие отсутствия необходимой согласованности макроэкономических институтов или регуляторов, слабое или нечеткое взаимодействие которых делает возможным воспроизведение прежней нормы, тогда как преодоление «институциональной ловушки» состоит в том, что воспроизведение нежелательной нормы становится невозможным.

в 1920-е гг.) впереди теории хотя бы потому, что осуществила переход к новой экономической политике (НЭП), где хозрасчет был реальным воплощением взаимодействия плана и ТДО.

Факт приоритета практики открыто признавался экономической наукой советского периода: «Теоретические вопросы хозрасчета стали разрабатываться лишь после его внедрения... По существу, это был противоречивый процесс познания хозрасчета и комплекса взаимосвязанных с ним экономических категорий (прежде всего стоимости, цены, прибыли, рынка, плана, предприятия, экономического интереса и т. д.)» [3, с. 392].

В период реализации реформы 1965 г. споры о том, что есть хозрасчет — не привели к большей ясности, чем признание его противоречивости и сложности: «Хозяйственный расчет социалистического предприятия — это сложное экономическое явление. Его анализ приводит к обнаружению соединения в нем противоположных начал», — писал в 1972 г. один из наиболее известных экономистов того времени Н. А. Цаголов [11, с. 215].

Приоритет практики проявился в том, что пока теоретики спорили о возможности или невозможности широкого применения хозрасчета как института взаимодействия плана и ТДО, практика социалистического хозяйствования пришла (к 1980-м годам) в упадок.

Поставим теперь вопрос: а есть ли принципиальная разница между 3«П» по Либерману и 3«С» по Косыгину? Ни «план, прибыль, премия», ни «самоокупаемость, самофинансирование и самоуправление», с точки зрения макроэкономики, не меняли внешнюю среду предприятия, не предоставляя ему реальных возможностей влиять на цену своей продукции и на ее объем — на важнейшие параметры выживания предприятия в условиях рыночной конкуренции.

Можно сказать, что 3«П» и 3«С» — это лишь два разных экспертных мнения: одно экспертное мнение

предполагает оценить хозрасчет с точки зрения принципов 3«С», а другое – через принципы 3«П». Здесь можно провести аналогию с популярными в первой половине XIX в. теориями «мелкобуржуазного капитализма» С. де Сисмонди и «мелкотоварного социализма» П.-Ж. Прудона. Сисмонди полагал, что все беды от того, что государство не сдерживает рост крупного капитала, а на самом деле оно должно было бы это делать, активно *вмешиваясь* в экономику [10]. П.-Ж. Прудон исходил из того, что только анархия, т. е. *невмешательство* государства, не даст возможности расти крупному капиталу [9]. Каждый из них, в конечном счете, разными путями стремился к утопическому состоянию мелкотоварного производства. Так и с концепциями 3«П» и 3«С». Каждая из них предлагала свой набор мер, реализация которых, как мы теперь понимаем, ничего *принципиально* не изменила бы, поскольку никто (ни Либерман, ни Косыгин) не предполагали снизить уровень централизованного директивного планирования, которое при «реальном социализме» осуществляло связь производства и потребления в масштабе всего общества.

Действительно, если предположить, что план развития экономики страны составлен идеально, т. е. учтены все потребности и возможности (хотя само такое предположение абсурдно), то зачем поощрять те предприятия, которые его перевыполняют?! Они, произведя сверхплановую продукцию, зря растратили экономические ресурсы, которые, как известно, являются ограниченными. Они создали продукцию, на которую нет потребителя, ведь в плане-то все сбалансировано! Если какое-то одно предприятие не выполнило план, то в условиях общественного разделения труда и жесткой кооперации свой план не смогут выполнить и все остальные предприятия (согласно условиям теории равновесия Вальраса), и тогда никто не получит премии. Нет стимулов, что-либо улучшать или менять,

если существует жесткая зависимость от других. Если одно предприятие не выполнило план, то как смогло другое его выполнить?!

Получается, что стимулирование перевыполнения плана ведет к необоснованным растратам, а невыполнение плана наказывает дисциплинированных и уничтожает стимулы к развитию. Таким образом, трудно дать рациональные объяснения, как необходимости тотального народнохозяйственного плана, так и его перевыполнению.

Реформа могла бы быть нацелена на снижение уровня централизации или требований директивности на макроуровне. Но ни З«П», ни З«С» ничего не меняли в использовании стимулов расширения экономической свободы, возможности рыночной экономики не приоткрывались, поэтому шансов на модернизацию не оставляли. Ни тот, ни другой вариант не открывали клапан для ветра перемен. Реформа наоборот предлагала предприятиям «крутиться» на принципах самофинансирования в условиях централизованного планирования. Самофинансирование же может обеспечить лишь самокупаемость мелкого производства в сферах с коротким периодом оборачиваемости денежных средств. Никакое самоуправление не способно восполнить потребность в инвестициях, необходимых для развития крупного производства, да еще и инновационного (или, как тогда говорили, интенсивного), обеспечивающего рост производительности труда. Принципы З«П» лишь формально декларировали хозяйственную свободу, поскольку не отменяли директивного планирования и ведущей роли государства как экономического центра.

Можно сказать, что варианты З«С» и З«П» — это разные риторики о *мнимой* свободе предприятия, предлагающие государству снизить свою ответственность за невыполнение им же принятых неэффективных решений. Чтобы предприятия были по-настоящему

ответственны, они должны стать реально свободными, т. е. влиять на цену продукции и ее объем, прежде всего. Манипуляция экспертными оценками принципиально не меняет реального соотношения плана и ТДО.

Сторонники Либермана приводят его аналитические выкладки, которые якобы доказывают научность предложений Либермана. В частности, есть формула, показывающая взаимосвязь и взаимоопределяемость показателей себестоимости и рентабельности (из работ Е. Г. Либермана)¹:

$$\frac{\text{Продукция в оптовых ценах}}{\text{Себестоимость}} = \frac{\text{Вся заработная плата}}{\text{Себестоимость}} \times \frac{\text{Зарботная плата рабочих}}{\text{Вся заработная плата}} \times \frac{\text{Число рабочих}}{\text{Зарботная плата рабочих}} \times \frac{\text{Продукция в оптовых ценах}}{\text{Число рабочих}}.$$

Как видно из данной формулы, в ее правой части произведены тождественные преобразования. Эта формула не дает никаких новых характеристик или зависимостей ни по одному из указанных параметров: продукция в оптовых ценах равна продукции в оптовых ценах, себестоимость равна себестоимости; зарплата рабочих равна зарплате рабочих, и т. д.

Но обсуждение «шансов и клапанов», тем не менее, можно продолжить, потому что главной задачей реформ 1965 г. мог быть поиск такого сочетания плана и рынка, которое бы лучше, нежели в предшествующий период, обеспечивало развитие экономики.

Совнархозы — упущенный шанс

Взглянем на период, предшествующий реформе 1965 г. и связанный с «хрущевскими» совнархозами, с позиций принципов макроэкономики.

План и рынок — два фундаментальных института существования и развития экономики, причем ни

¹ Либерман Е. Г. План, прибыль, премия // Правда. 1962. 9 сент.

один из них не является универсальным и сам по себе не определяет целей развития. Лишь в идеальных моделях могут быть чистые рынки или абсолютные планы, в реальной экономике они комплементарно сосуществуют. Доминирующая составляющая определяет качество экономики — рыночная она или плановая, что юридически фиксируется в Конституции страны, в которой отражена господствующая форма собственности (общественная, частная или смешанная).

Отталкиваясь от двух фундаментальных начал экономики — плана и рынка, логичным будет разделить совокупность экономических инструментов регулирования на две аналогичные части. Они обычно называются бюджетно-финансовыми, как плановые, и кредитно-денежные, как собственно рыночные. Исходя из комплементарности инструментов, можно сказать, что, уменьшая степень финансово-бюджетного регулирования, следует корректировать денежно-кредитное, делая его более развернутым, дифференцированным и гибким. Наоборот, увеличивая степень финансово-бюджетного регулирования, мы сужаем пространство для использования денежно-кредитного инструментария. Надо также учитывать, что количественные изменения ведут и к изменению качественного набора инструментов.

Если рассматривать сквозь призму этих инструментов советскую экономику, то она представляла собой не столько единую фабрику (по Марксу), сколько единую финансовую организацию и единственный фонд в лице государства, которому принадлежал весь созданный в обществе продукт и которое определяло направления расходов, распределяя денежные ресурсы согласно представлениям о потребностях, определяемых центром. (Основы такого функционирования экономики отражены К. Марксом в «Критике Готской программы».) Следовательно, когда такая система начинает давать сбой, то надо уменьшать уровень присвоения

доходов государством, а также количество направлений госрасходов, обеспечивая тем самым простор для реализации самостоятельности хозяйствующих субъектов.

Повышение степени самостоятельности предполагает расширение инструментария денежно-кредитного регулирования, нацеленного на поддержание стабильности денежного обращения и стимулирования эффективного совокупного спроса. Однако инструменты денежно-кредитного регулирования в советской экономике практически не использовались (были, правда, внутренние займы, но совершенно не было рынка ценных бумаг) ни до реформы Косыгина, ни после нее. В СССР отсутствовала банковская *система*. Внутри страны практически был один-единственный Госбанк, который находился в полной зависимости от государства (Правительства) и был, по сути, финансовым инструментом государства, что не дает оснований рассуждать о реальности ТДО при социализме.

Теперь от общих рассуждений перейдем к историческим фактам.

Практика совнархозов (1957–1965) по-разному оценивается разными авторами и источниками. Например, некоторые авторы вообще игнорируют проблематику совнархозов [4; 5], но есть и такие, кто дает однозначно положительную характеристику этому короткому этапу развития [12].

Введение совнархозов реально реформировало управление социалистической экономикой. Совнархоз был новым институтом в системе управления, принципиально изменившим ее. Разрушались старые связи и налаживались новые. Предприятия попадали в иные условия, которые ломали забюрократизированную форму управления, укоренявшую сталинский режим, когда размещение производств было подчинено не принципам экономической эффективности, а принципам стратегического сохранения пространства страны. Поскольку предприятия-смежники нередко располагались за

тысячи километров друг от друга, то продукцию приходилось перевозить на далекие расстояния, что, в конце концов, ускорило развал экономики из-за вынужденной поддержки неэффективных хозяйственных связей.

Положение партийной номенклатуры и чиновников министерств и ведомств при прежнем режиме (до совнархозов) зависело от их отношений с верховной властью, а не от экономического положения предприятий и территорий или удовлетворения потребностей населения. Между ведомствами шла конкурентная борьба за ресурсы влияния.

В 1957 г. под руководством Н. С. Хрущева началась реформа по изменению управления промышленностью и строительством. Согласно данной реформе, предприятия поступали в ведение территориальных органов управления — совнархозов. Министерства распускались, на их месте оставались только небольшие комитеты, отвечавшие за общее планирование, научно-техническую политику и общую координацию работы предприятий одной отрасли. Этой реформе, так же как и реформе Либермана/Косыгина, предшествовали дискуссии в советской прессе о принципах управления.

По мнению инициаторов реформы Н. С. Хрущева, во-первых, введение территориальной системы управления приближало руководство промышленностью и строительством к предприятиям и объединениям, а во-вторых, предполагалось, что совнархозы, действуя в отсутствие ведомственных барьеров, обеспечат комплексный подход к развитию территорий, что было особо важным для отдаленных от центра и экономически неразвитых регионов. Переход от министерств к совнархозам реально обеспечил более рациональное расходование ресурсов регионов и размещение предприятий.

Но активные действия новых органов управления региональным хозяйством не получили поддержки от

территориальных партийных организаций. Подчинение экономики региона совнархозам ослабляло межрегиональные связи в СССР, партийную власть в целом. Совнархозам были предъявлены обвинения в местничестве — к преобладанию региональных интересов над общенациональными. Борьба центральных ведомств, интересов центральной отраслевой бюрократии, с интересами регионов вылилась в отстранение Н. С. Хрущева от власти в 1964 г. и прекращение реформ.

Безусловно, практики совнархозов не были идеальными. В совнархозах очень быстро, опережая развёртывание реформы, начали раздуваться структура и аппарат, появились отраслевые и функциональные управления, отделы и т. д. С другой стороны, с позиций сегодняшнего дня в совнархозах можно увидеть зачатки кластеров, которые приходят на смену отраслевой структуре в современной экономике, поскольку структура совнархоза определялась спецификой его экономического региона, а также усиления значимости фактора пространства, на чем теперь также настаивают экономическая теория и теория управления.

Поэтому реформа 1965 г. могла бы усовершенствовать управление экономикой *в рамках* системы совнархозов, а не *ликвидировать* их вовсе. Она могла институционально обозначить границы региональной конкуренции, содействовать появлению разнообразных методов управления внутри регионов и, возможно, в дальнейшем созданию пространства для реального использования денежно-кредитных механизмов.

Основная институциональная ловушка

Значимость реформ, как и идей, определяется не стартом, а финишем. Финишем реформ Косыгина/Либермана стали стагнация и застой. Реформа сошла на нет в силу той экономической логики, которая была в нее заложена. Реформа не обеспечила условий, которые поддерживали и защищали бы свободное раз-

витие экономических субъектов, т. е. конкуренцию. Она обрекала производителей на существование в крайне противоречивых обстоятельствах, отодвинув государство от ответственности за выполнение плана, но не предоставив возможности предприятиям пользоваться рыночными методами, не предложив никаких инструментов макроэкономического регулирования рынка.

Здесь можно вспомнить отечественного экономиста Б. Д. Бруцкуса, который за высказывания о неосуществимости уже самых первых планов советской экономики стал одним из пассажиров «философского парохода». В 1929 г., уже в эмиграции, Бруцкус писал в статье «Народное хозяйство современной России, его природа и его судьбы»: «... [П]ланы слишком часто и слишком грубо нарушают самочинное развитие экономической жизни к величайшему вреду для народного хозяйства» (цит. по: [6, с. 92]). В этой связи Бруцкус подчеркивал, что осуществление задуманных большевиками планов таит в себе большую опасность, чем их неосуществление/невыполнение. Народнохозяйственные планы не выполняются потому, что они по природе своей не рациональны, но если бы они были выполнены, то рациональному хозяйству был бы нанесен еще больший ущерб, чем в случае невыполнения. Поэтому Б. Д. Бруцкус считал неизбежным гибель большевистского эксперимента, а гибель социалистического строя — лишь проблемой времени, ибо не может быть счастья в условиях насилия, отсутствия личной свободы и права каждого решать свою судьбу.

Порок отечественных реформ часто кроется в том, что политическая и экономическая элита становится либо заложницей идеологем, указывая то на план, то на рынок, либо еще проще — на какой-нибудь технический показатель (темп роста ВВП, бюджетный дефицит, уровень инфляции и пр.), которые из средства оценки экономики превращает в цель. При этом элита осознано пользуется риторикой: тогда — о преимуще-

ствах социалистического планирования, сейчас — о достижении мировой конкурентоспособности, прикрывая свои рентоискательские действия по распределению бюджета в собственных интересах, а не для создания общественных благ.

Можно сказать, что основная институциональная ловушка российского общества кроется не столько в решениях, постановлениях и иных документах, написанных по поводу реформ, а в общественном сознании. Современные исследователи называют неформальные правила надконституциональными ценностями, зачастую оказывающимися сильнее любых формальных правил, зафиксированных в Конституции и или иных правовых документах. Косвенные методы определения «надконституционных» ценностей могут многое сказать о них или намекнуть на их смысл. К косвенным методам относят, как отмечает, например, А. А. Аузан, исследования языка и игр: «...Я стал спрашивать наших бизнесменов и студентов, какая игра выражает российские ценности? Ответы были разные. Одни говорили — “стенка на стенку” ...Другие говорили — прятки, что тоже не лишено оснований» [1, с. 70].

В этой связи процитируем Алана Гринспена — более практика, чем теоретика: «Вопреки радужным прогнозам многих политиков консервативного толка крушение системы централизованного планирования не привело к автоматическому возникновению капитализма. Западные рынки опирались на культуру и инфраструктуру, формировавшиеся на протяжении многих поколений: законы, обычаи, поведенческие шаблоны, профессии и практика, которых не было в государстве с централизованным планированием» [2, с. 146]. На протяжении многих поколений пространство российской экономики существовало без рыночного обмена и интенсивных денежных потоков, ответственности пред партнером, что укоренило привычки обманывать, скрывать, не выполнять обязательств. Присущие наро-

ду ценности выживания состояли, в частности, в соблюдении непреложного правила — не критиковать и не высказываться. Даже в наши дни открыто высказываются чаще те, кто власть хвалит, не задумываясь, заслуживает она этого или нет, власть же при этом направляет имеющийся потенциал развития в пользу элит, а не населения [7]. Местные элиты, транслируя идеи, рожденные на самом верху, не подвергают сомнению их конкретный и часто ограниченный позитивный смысл, формально выполняя указания сверху. Не мудрено, что до сих пор многие идущие сверху экономические инновации оказываются «не очень» успешными.

Список использованной литературы

1. Аузан А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь / А. А. Аузан. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014 [2013]. — 157 с.
2. Гринспен А. Эпоха потрясений. проблемы и перспективы мировой финансовой системы : пер. с англ. / А. Гринспен. — 3-е изд. — М. : Юнайтед Пресс, 2010. — 517 с.
3. История политической экономии социализма / науч. ред. Д. К. Трифонов, Л. Д. Широкоград. — 2-е изд., перераб. и доп. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1983. — 606 с.
4. История экономических учений. (Соврем. этап) : учеб. для студентов экон. спец. / под общ. ред. А. Г. Худокормова. — М. : ИНФРА-М, 1998. — 733 с.
5. История экономической мысли в России : учеб. пособие для экон. специальностей вузов / под ред. А. Н. Марковой. — М. : Закон и право, 1996. — 136 с.
6. Корицкий Э. Б. Экономисты русской эмиграции : учеб. пособие / Э. Б. Корицкий, Г. В. Нинциева, А. Л. Дмитриев, В. Х. Шетов ; под общ. ред. Э. Б. Корицкого. — СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2000. — 286 с.
7. Полищук Л. Аутсорсинг институтов / Л. Полищук // Вопросы экономики. — 2013. — № 9. — С. 40–65.
8. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы / В. М. Полтерович. — М. : Российская экономическая школа, 1998.
9. Прудон П.-Ж. Что такое собственность? / П.-Ж. Прудон; [Подгот. текста и коммент. В. В. Сапова]. — М. : Республика, 1998. — 367 с.

10. Сисмонди Ж. С. де Новые начала политической экономики или о богатстве в его отношении к народонаселению / Ж. Симонд де Сисмонди ; пер. под ред. А. Ф. Кона. — М. : Соцэкгиз, 1936. — 386 с.

11. Цаголов Н. А. Вопросы теории производственных отношений социализма. Избр. Произведения / Н. А. Цаголов. — М. : Изд-во МГУ, 1983. — 368 с.

12. Шубин А. В. Совнархозы (1957–1965) [Электронный ресурс] / А. В. Шубин // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия : энцикл. мультимед. интернет-ресурс. — URL : <http://megabook.ru>.

Информация об авторе

Шапиро Наталья Александровна — доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и стратегического менеджмента, Санкт-Петербургский научно-исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Россия, 191187, г. Санкт-Петербург, ул. Чайковского, 11/2 «А», e-mail: v-shapiro@mail.ru.

Autor

Shapiro Natalia Aleksandrovna — D.Sc. in Economics, Professor, Department of Economics and Strategic Management, St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, 11/2 lit.«А», Chaikovskii str., 191187, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: v-shapiro@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Шапиро Н. А. Оценка «косыгинской» реформы с позиции теории макроэкономического регулирования / Н. А. Шапиро // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 3. — С. 454–468. — DOI : 10.17150/2308-2588.2015.16(3).454-468.

Reference to article

Shapiro N. A. Assessing Kosygin's reform from the standpoint of macroeconomic management. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 3, pp. 454–468. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(3).454–468. (In Russian).